

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.155.2(47)

И. А. Васильев, А. В. Ильин, С. Б. Арчegov

ФОРМИРОВАНИЕ ВЕРХНЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПАЛАТЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТРАДИЦИЯ

В статье анализируются основные начала формирования состава верхней законодательной палаты Российской империи, по общим принципам схожие с комплектованием верхних законодательных палат парламентов некоторых европейских и азиатских стран. Наибольшее внимание уделяется корпоративному принципу комплектования пореформенного Государственного Совета, его особенностям, нормативно-правовому регулированию, а также изменению, связанному с формально закрепленным правом участия представителей Великого княжества Финляндского в законодательной деятельности верхней палаты Российской империи. Рассмотрены функциональные последствия такой модели наполнения Государственного Совета на примере прежде всего церковной (духовной) и академической групп в его составе. Авторы отмечают, что основные принципы и способы формирования Государственного Совета, закрепленные в конституционных законах 1906–1910 гг., не могут быть оценены как оптимальные, однако они были адекватны задачам начального периода становления дуалистической монархии в России, а отечественный опыт корпоративного представительства позволяет вновь поставить вопрос о конституционализации данного института. Библиогр. 24 назв.

Ключевые слова: монархический конституционализм, парламентаризм, Государственный Совет, избирательные курии, сословно-корпоративное представительство.

Васильев Илья Александрович — кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; vasiljev.i@jurfak.spb.ru

Ильин Андрей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; iljin.a@jurfak.spb.ru

Арчegov Сослан Батразович — ассистент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; archegov.s@jurfak.spb.ru

Vasiliev Ilyia A. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vasiljev.i@jurfak.spb.ru

Ilyin Andrey V. — PhD, Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; iljin.a@jurfak.spb.ru

Archevov Soslan B. — Assistant Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; archegov.s@jurfak.spb.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

THE UPPER LEGISLATIVE CHAMBER IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: THE EUROPEAN EXPERIENCE AND THE RUSSIAN TRADITION

The present article analyzes the basic principles on which the Upper Legislative Chamber of the Russian Empire was formed, generally similar to the upper legislative chambers of the parliaments in some European and Asian countries. The most attention is paid to the corporate principle of acquisition reform of the Upper Legislative Chamber of the Russian Empire (it was named the State Council) its features, aspects of legal regulation and also the changes associated with the right of participation of the representatives of the Grand Duchy of Finland in the legislative activity of the Upper Chamber of the Russian Empire. The article considers the functional consequences of this model on the example of the Church and the Academic Groups in the State Council structure. The authors note that the basic principles and methods of formation of the State Council were enshrined in the Constitutional Laws of 1906–1910 but cannot be assessed as optimal. However, the basic principles were adequate to the tasks of the initial formation period of the Dual Monarchy in Russia, and domestic experience in corporate representation allows us to raise the question of constitutionalization of this institution. Refs 24.

Keywords: Monarchical Constitutionalism, Parliamentarism, State Council, Electoral Curia, Social-Corporate Representatives.

Первый опыт парламентаризма в России за прошедшее столетие стал предметом тысяч разнообразных публикаций¹. Тем не менее многие важные аспекты истории законодательных палат Российской империи оказались мифологизированы в советское время или остаются донныне не изученными. Так, основное внимание исследователей традиционно направлено на Государственную Думу, тогда как верхняя палата имперского парламента² остается в тени³. В последние десятилетия юристами было издано только одно комплексное монографическое исследование, посвященное Государственному Совету [3]; также невелик и круг историков, которые многосторонне изучают деятельность верхней законодательной палаты в 1906–1917 гг. (см., напр.: [4; 5]). Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить и проанализировать основные начала формирования состава верхней законодательной палаты Российской империи. Исследование проведено преимущественно в формально-догматическом аспекте, но, если это требовалось для понимания реального содержания законодательных норм, использовались также методы социологии права и политики (наряду с системным, структурно-функциональным статистическим и пр.). Особый акцент сделан на характеристике представительства Русской православной церкви (РПЦ), с одной стороны, и императорских Академии наук и университетов — с другой, поскольку этот опыт наиболее актуален в настоящее время.

¹ В неполной библиографии, опубликованной сотрудниками Парламентской библиотеки на официальном сайте Государственной Думы Федерального Собрания РФ к столетию учреждения представительного строя в России, содержалось 1575 наименований книг, брошюр и статей на русском языке. Естественно, это только часть публикаций по данной тематике.

² Термин «парламент» по отношению к законодательным палатам официально не использовался; агенты самодержавия активно отрицали парламентарную природу Государственного Совета и Государственной Думы. См., напр.: [1, с. 348].

³ Например, в относительно недавно изданном курсе лекций Государственному Совету посвящено чуть более страницы текста [2, с. 56–57], а о Государственной Думе повествуется минимум на дюжине страниц [2, с. 44–46, 47–58].

Предмет исследования целиком лежит в области истории и теории парламентского права, а не избирательного права. Соответственно, технология выборов, правовое нормирование избирательных процедур и сходные сюжеты не подвергались специальному исследованию и затрагивались косвенно, только в связи с проблемой формирования верхней палаты.

Любое парламентское представительство можно рассматривать как корпоративное, поскольку депутаты всегда избираются в парламент от какой-либо социальной общности — корпорации в широком смысле, которая может основываться на гендерном, социально-профессиональном, сословном или территориальном принципе.

В странах западной и центральной Европы корпоративное представительство сохранялось в XVII–XIX вв. при формировании верхних палат парламента и являлось рудиментом сословно-представительных учреждений эпохи Средневековья (о зарубежном опыте см. подробнее: [6; 7]). Одно из таких учреждений — английский Парламент, с течением веков превратившийся в конституционный представительный орган, однако долгое время сохранявший пережитки прежней эпохи. Особенно они были заметны в структуре верхней палаты — палаты лордов, места в которой вплоть до конца XX в. приобретались преимущественно по наследству, либо являлись принадлежностью епископского сана, либо предоставлялись короной пожизненно (лорды-судьи, а затем, со второй половины XX в., пожизненные пэры). Члены верхней палаты австрийского Рейхсрата после реформы 1861 г. пожизненно назначались кайзером. В состав этой палаты вошли члены правящей фамилии, иерархи Католической церкви, представители высшей аристократии и лица, особо удостоенные чести в знак заслуг перед государством. Аналогично в Италии Альбертинский статут 1848 г. устанавливал, что верхняя палата состояла из представителей королевской фамилии, епископов, высших сановников, генералов и других лиц, назначаемых королем пожизненно. Королевство Нидерланды могло послужить нашим законодателям примером территориального представительства в первой палате (известной также как Сенат): Сенат избирался путем непрямых выборов провинциальными штатами. Для России был показателен и опыт Польского королевства, согласно первой конституции которого от 3 мая 1791 г. палата сенаторов состояла из неизбираемых лиц — епископов, воевод, каштелянов и министров. Но общепризнанно, что наибольшее влияние на конституционный строй Российской империи мог оказать пример Пруссии, с которой династия Романовых была долгое время теснейшим образом связана и которая в 1880–1890-х гг. уже стала образцом для конституционных преобразований в Японии. Согласно Конституционной хартии Пруссии от 31 января 1850 г. верхняя палата — палата господ формировалась королем, и из 227 членов верхней палаты 117 занимали места наследственно. Тесный союз с Французской республикой, несомненно, сказался на новых нормах российских основных законов, поскольку согласно нормам французских конституционных законов 1875 г. Сенат включал в себя 75 пожизненных сенаторов и 225 сенаторов, избираемых на девять лет косвенным путем особыми коллегиями выборщиков по департаментам. Причем французский Сенат по образцу Сената США каждые три года обновлялся на одну треть, а возрастной ценз для сенаторов был установлен такой же, как впоследствии для членов российского Государственного Совета, — 40 лет. Наконец, согласно консервативнейшей дуали-

стической конституции Японской империи от 11 февраля 1889 г. членами верхней палаты были принцы императорской фамилии, представители титулованной аристократии, крупные налогоплательщики и лица, имеющие особые заслуги перед императором, а также представители императорской Академии наук.

Зарубежный парламентский опыт был учтен и творчески переработан на российской почве в ходе конституционных реформ 1905–1906 гг. В результате Государственный Совет Российской империи в 1906 г. оказался преобразованным в верхнюю законодательную палату, формирование которой имело много общих черт с порядком формирования верхних палат современных ему парламентов: назначаемость части членов главой государства; представительство знати и духовенства; выборность от различных корпораций; территориальное представительство (от губернских земских собраний и дворянских собраний по губерниям и областям), как в большинстве верхних палат современных парламентов.

В состав пореформенного Государственного Совета вошли назначенные высочайшей властью члены, а также выборные. Назначенные члены делились на присутствующих в заседаниях Совета и не присутствующих — не принимающих никакого участия в его деятельности, хотя они также именовались членами Государственного Совета, пользовались особыми привилегиями и получали казенное содержание⁴.

Именно члены по назначению составляли не только политический, но и рабочий «костяк» Государственного Совета. Как справедливо отмечают современные историки, «члены Государственного совета по назначению обладали более высоким образовательным цензом, были, как правило, выходцами из одного социального круга, имели богатый опыт государственного управления, а также личные и придворные связи. Недаром они играли ведущую роль в Совете, нередко “переигрывая” своих выборных коллег (как в области законотворчества, так и в закулисных интригах), принадлежавших к разным регионам и неоднородным общественно-политическим силам, с недоверием относившихся друг к другу и зачастую обремененных личными и корпоративными делами вне верхней палаты» [8, с. 3].

Тем не менее характер законодательной палаты парламента реформированному Государственному Совету придавала лишь его выборная составляющая.

Члены по выборам избирались по территориальному, сословно-корпоративному принципу от православного духовенства, губернских земских собраний, дворянских обществ, Академии наук и университетов, Совета торговли и мануфактур (ст. 12 Учреждения Государственного Совета от 24 апреля 1906 г. (далее — УГС) [10]). 56 из них избирались от территорий (в том числе 34–43 — от земств и 12–22 — от крупных и средних землевладельцев), 42 — от корпоративных курий (в том числе 18 — от поместного дворянства, 12 — от торговли и промышленности, по 6 — от науки и от православного духовенства) [8, с. 45]. Перечень избирательных курий был исчерпывающим, однако после принятия Закона от 17 июня 1910 г. «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» [9] население Великого княжества Финляндского получило право избирать в Государственный совет двух своих представителей (табл. 1).

⁴ К началу первого заседания обновленный Совет включал 120 членов по назначению, из них 98 были назначены к присутствию [5, с. 61].

Таблица 1. Нормативные (структурообразующие) группы в составе Государственного Совета по Учреждению Государственного Совета 1906 г.

№ п/п	Структурообразующая группа Государственного Совета	Нормативная численность	Усредненная доля нормативной численности (в %)	
			выборной части Государственного Совета	Государственного Совета в целом
1	Члены Государственного Совета, призываемые Высочайшею Властью к присутствованию в Совете из среды его членов по Высочайшему назначению (ст. 9 УГС)	Не должна превышать общего числа членов Совета по выборам (ст. 9 УГС); в правоприменительной практике 1906–1917 гг. — до 98	—	50,0
2	От духовенства Российской православной церкви (п. 1 ст. 12 УГС)	6 (в том числе 3 из монашествующего православного духовенства и 3 из белого православного духовенства) (ст. 13 УГС)	6,1	3,0
3	От губернских земских собраний (п. 2 ст. 12 УГС)	Каждое губернское земское собрание избирает по одному члену Государственного Совета (ст. 14 УГС); в правоприменительной практике 1906–1917 гг. — до 56	57,1	28,6
4	От дворянских обществ (п. 3 ст. 12 УГС)	18 (ст. 15 УГС)	18,4	9,1
5	От императорской Академии наук и императорских российских университетов (п. 4 ст. 12 УГС)	6 (ст. 16 УГС)	6,1	3,0
6	От Совета торговли и мануфактур, московского его отделения, местных комитетов торговли и мануфактур, биржевых комитетов и купеческих управ (п. 5 ст. 12 УГС)	12 (в том числе 6 от промышленности; 6 от торговли) (ст. 17 УГС)	12,2	6,0
7	От населения Великого княжества Финляндского	2	2	1
Итого		В правоприменительной практике 1906–1917 гг. — до 196 (в том числе 98 членов по выборам)	100 %	

Неравное представительство курий и сам ограниченный перечень сословных и профессиональных корпораций, от которых производились выборы членов Государственного Совета, свидетельствуют о произвольном характере квот для выборов членов Совета.

Как видно, избирательными правами были наделены лишь представители «высших классов»; таким образом, традиционный консервативный состав Государственного Совета, а соответственно и настрой в работе, после 1906 г. не сохранились. Немудрено, что столь ограниченное избирательное право вызвало недовольство даже со стороны умеренной оппозиции [11].

Вместе с тем реформа Государственного Совета принесла видимые изменения в его структуру и деятельность. Если дворянство и прежде имело определяющее влияние на политику самодержавной России (см., напр.: [12]), то привлечение к законотворчеству торгово-промышленных, академических и даже церковно-православных кругов являлось абсолютной новацией. Именно корпоративно структурированная избираемая часть Государственного Совета гарантировала вовлечение в политическую жизнь вообще и в законотворческую деятельность в частности важных слоев избирателей. В результате реформ последние получили шанс превратиться из объектов политического процесса в его субъектов.

На основании ст. 100 Основных законов и норм УГС 1906 г. можно выделить следующие основные принципы формирования Государственного Совета:

- 1) господство корпоративного, прежде всего сословно-профессионального, начала в законодательных основах формирования Государственного Совета;
- 2) сочетание начал назначения и выборности при формировании его состава;
- 3) многообразии принципов корпоративного представительства Государственного Совета (особенно в той части его, которая формировалась по выборам);
- 4) приблизительное количественное равенство назначаемых и избираемых членов;
- 5) относительная нормативная неопределенность сословного (корпоративного) состава членов по назначению;
- 6) непропорциональность (произвольность) представительства корпораций в Государственном Совете;
- 7) неполнота представительства основных (корпоративных) групп населения; так, лишено парламентского представительства офицерство как особая корпорация, неправославные конфессиональные органы и т. п.

Отсутствие монизма в формировании палаты (а значит, и в организации представительства) не может само по себе рассматриваться как порок: в конечном счете все зависит от объема полномочий, которые на деле реализует или правомочна реализовать данная законодательная палата. Смешение разнородных начал — территориального, сословного, профессионального, служебного — в случае с Государственным Советом, как представляется, отражало неготовность широких слоев самого общества к тому, чтобы нести ответственность за организацию социально-ответственного государственного управления.

Корпоративный или, точнее, сословно-корпоративный принцип комплектования Государственного Совета особенно наглядно прослеживается при исследовании первоначально самых компактных выборных курий в составе Совета — церковной (духовной) и академической групп. На первое место в перечне выборных членов Государственного Совета законодатель поставил депутатов «от духовенства господствующей в России Православной церкви» (конечно, слово «депутат» в конституционном законодательстве отсутствовало, так же как слова «парламент» и собственно «конституция»). Представляется, что такой пиетет объясняется не только средневековой традицией подчеркнутого уважения к «первому сословию»: в позиции законодателя нетрудно усмотреть и вполне утилитарные мотивы. Так, первый председатель обновленного Государственного Совета граф Д. М. Сольский, открывая его первое заседание, отметил, что Совету «предстоит в особенности блюсти согласование преобразовательной деятельности с вековыми устоями

русской земли, с лучшими заветами ее истории и условиями здорового роста государства». Но охранение «вековых устоев русской земли» и «лучших заветов истории» являлось одной из первых задач именно служителей РПЦ, что и обеспечило ее посланникам гарантированные места в составе обновляемого Государственного Совета (цит. по: [13, с. 133]).

Согласно ст. 13 УГС Русская православная церковь получила квоту на избрание шести членов Совета: «трое из монашествующего православного духовенства и трое из белого православного духовенства». При этом роль коллегии выборщиков Учреждение доверило Святейшему Синоду РПЦ (см. подробнее: [14]).

Таким образом, в выборах по этой курии участвовали исключительно должностные лица, назначаемые и увольняемые императором. Поэтому выборность от духовенства представляется более чем сомнительной [5, с. 47].

В свою очередь представительство науки «было введено по образцу некоторых западных верхних палат (например, Палаты господ Пруссии)» [5, с. 46]. Императорская Академия наук и императорские российские университеты в лице их выборных представителей впервые были привлечены к непосредственному участию в законодательной деятельности.

Выборщикам от данной избирательной курии для прохождения в Государственный Совет устанавливался дополнительный ценз, который можно определить как служебный. Членами академической курии могли состоять только ординарные академики Императорской Академии наук либо ординарные профессора императорских университетов. Это обусловило частые коллизии, связанные с невозможностью совмещения прерогатив членов Государственного Совета, избранных от Академии наук и университетов, с их обязанностями академиков и особенно профессоров — практически всех университетов, кроме столичного Санкт-Петербургского [15].

Кроме того, Академия наук и университеты в административно-служебном отношении принадлежали к исполнительной ветви власти во главе с монархом. Значит, и выборы в этом случае имели, по сути, «полупредставительный» характер, поскольку проходили под непосредственным присмотром Министерства народного просвещения. Такая ситуация создавала существенные неудобства при осуществлении членами Государственного Совета от научно-учебных заведений своих полномочий, поскольку ставила под удар предоставленные депутатам гарантии «свободы суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Совета» (ст. 26 УГС).

Тем не менее в составе Государственного Совета академическая группа была ядром левой (с 1913 г. — прогрессивной) группы, тесно связанной с фракцией партии народной свободы (кадеты) в Государственной Думе. В 1906 г. левые требовали от Государственного Совета одобрения постановлений Государственной Думы и образования ответственного перед ней правительства. «Эта группа была малочисленной, но блестящей по составу, так как включала крупнейших русских ученых и по своему интеллектуальному и образовательному уровню значительно превышала всех остальных членов Государственного Совета» [16, с. 52]. Конкурировать с их уровнем образования могли лишь представители духовной группы, которые, как и представители науки, совмещали статус члена Государственного Совета с преподаванием (пять депутатов были профессорами богословия, а один — ректором семинарии). Члены академической группы из-за высоких интеллектуальных

качеств и компетентности не раз избирались докладчиками комиссий по важным вопросам [5, с. 171–176].

Таким образом, отличительными особенностями церковной и академической курий являются их высокая образованность, а также принадлежность к исполнительной ветви власти (духовная группа) и/или организационная зависимость от нее (академическая группа). Как Святейший Синод, так и Министерство народного просвещения [7, с. 47] имели реальные возможности влиять не только на ход выборов, но и на дальнейшую деятельность депутатов в составе верхней законодательной палаты (см., напр.: [17, с. 35–36]). В таком ракурсе, например, легальную возможность Министерства народного просвещения отстранить от занимаемой в университете должности неугодного правительству профессора-депутата можно расценивать как отстранение от членства в Государственном Совете, т. е. своего рода «отзыв», но только не избирателями, а административным «супервизором»⁵.

Такому влиянию в большей степени были подвержены члены Государственного совета, избранные от университетов, а не депутаты от Академии наук, хотя реформа наделила их одинаковыми правами. Дело в том, что внутри академической курии императорская Академия наук в государственной иерархии стояла выше университетов и обладала особым правовым статусом, выразившимся для ее членов, в частности, в том, что академические звания давались пожизненно и нормативные акты того времени не предусматривали процедуры исключения из состава Академии наук действительных ее членов. Тем самым действительные члены императорской Академии наук обладали определенной независимостью от министерских сановников, что давало им соответствующие привилегии при избрании в Государственный Совет; возможность какого-либо воздействия со стороны правительства на члена Государственного Совета, избранного от Академии наук, практически сводилась к нулю. Императорская Академия наук была, пожалуй, единственной корпорацией, представители которой в верхней палате обладали таким весьма устойчивым иммунитетом в ситуации посягательств на поражение своих избирательных прав и, как следствие, на лишение депутатского кресла в верхней палате парламента.

Университеты же, напротив, находились в полном ведении Министерства народного просвещения; власть министра полностью распространялась на профессоров университетов, которые могли быть им уволены. А после того как в законодательстве появилась норма об академическом представительстве в Государственном Совете, подконтрольность членов профессорской курии министру народного просвещения приобрела определяющее значение для правового положения представителей университетов в Государственном Совете. Впрочем, распространение влияния Министерства на депутатов подконтрольной избирательной курии было на практике заблокировано обструкцией самой палаты.

В целом представительство РПЦ и академической группы в Государственном Совете 1906–1917 гг. стало чрезвычайно важным вследствие активной и принципиальной позиции депутатов в обсуждении и решении насущных вопросов законотворчества; оно оказалось необходимым для эффективной деятельности верхней палаты первого российского парламента.

⁵ Подчеркнем, что в законодательстве Российской империи не закреплена возможность досрочного отзыва депутатов законодательных палат.

За одиннадцать лет существования конституционной монархии в России принципы формирования верхней законодательной палаты претерпели лишь одно изменение, отраженное в нормативно-правовом регулировании.

Развитие сепаратистских проявлений в автономной части Российской империи вынудило правительство Николая II предпринять экстраординарные меры, чтобы удержать Финляндию в составе многонациональной российской державы. Как одно из средств решения этой проблемы рассматривалось привлечение финляндских представителей во вновь учрежденные законодательные палаты.

Вопрос о включении в состав будущего парламента депутатов от Великого княжества Финляндского поднимался в среде бюрократии уже в 1905 г. [18, с. 110]. Однако спешка, с которой разрабатывалось законодательство о Государственной Думе, и несомненная боязнь имперского правительства усугубить революционные события в Финляндии напоминанием о ее органической принадлежности к Российскому государству, — все это принудило царскую бюрократию на время отложить урегулирование финляндского представительства в общероссийском парламенте и в 1905, и в 1906 гг.

Только после того как революция была подавлена, правительство вернулось к давним планам более последовательной унификации регионального финляндского и общероссийского законодательства. В качестве орудия такой унификации рассматривалось расширение практики издания законов, общих для всей Империи, включая Великое княжество Финляндское.

Игнорируя неприятие этой реформы со стороны финляндской политической элиты [18, с. 112–114], столыпинское правительство провело через Государственную Думу и Государственный Совет уже упоминавшийся Закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Он удостоился Высочайшего утверждения 17/30 июня 1910 г. [9].

Закон исходит из безусловной автономности Финляндии в составе нераздельного Российского государства. Российский законодатель не мог иначе смотреть на эту проблему не только по политическим соображениям того или иного рода — другой подход вошел бы в противоречие с начальными статьями Основных государственных законов 1906 г. Статья 1 Основных законов провозглашала: «Государство Российское едино и нераздельно»; а ст. 2 конкретизировала политико-правовой статус Финляндии: «Великое Княжество Финляндское, составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах управляется особыми установлениями на основании особого законодательства» [19].

Следуя фундаментальным принципам Конституции 1906 г., Закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» вместе с тем внес в них важное изменение или, точнее, дополнение. Оно затрагивало как раз порядок представительства Великого княжества в общеимперских законодательных органах.

Согласно ст. 2 Закона 1910 г. в Государственный Совет избирались два депутата от Великого княжества Финляндского, а в Государственную Думу — четыре. В обоих случаях коллегией выборщиков являлся однопалатный Сейм Великого княжества Финляндского, которому общероссийский Закон вверял также детализацию самой процедуры выборов. Таким образом, представительство Великого княжества Финляндского в реальности оказывалось представительством регионального парламента.

Численность представительства Великого княжества Финляндского в обеих законодательных палатах, очевидно, определена произвольно. Вместе с тем депутатские квоты для других групп избирателей Российской империи также не отличались пропорциональностью. Конечно, «равенство в бесправии» является слабым утешением, однако оно свидетельствует об отсутствии умысла имперского центра умалить права именно финляндского электората. К тому же и в таком варианте беспрепятственно реализовалась задача предоставить Великому княжеству Финляндскому голос в высших законодательных учреждениях Империи, обеспечить представительство региональных интересов, легальную возможность донести мнение высших органов автономии до Государственной Думы и Государственного Совета.

Два депутата — это функциональный минимум представительства, прошедший многовековую апробацию еще в средневековой Англии. Он позволяет надежно обеспечить представительство электората избирательного округа даже в случае отсутствия одного депутата, например из-за болезни и т. п. (тем более это можно сказать о четырех депутатах Думы). Вместе с тем при всей немногочисленности финляндского представительства в составе выборной части Государственного Совета оно точно соответствовало доле населения Великого княжества Финляндского в общей численности населения России: более 3 млн чел. к 1914 г., т. е. около 2 % населения Империи [20, с. 20].

Только новые находки в архивах могут опровергнуть гипотезу о произвольном определении квоты представительства Финляндского сейма в Государственном Совете. Тем не менее невозможно отрицать поразительное сходство добавленного в 1910 г. механизма пополнения Государственного Совета и важнейших квалификационных характеристик формирования Сената США, зафиксированных в части ст. 1 федеральной Конституции: избрание двух сенаторов от легислатуры каждого штата.

Включение представителей от Великого княжества Финляндского было обусловлено главной задачей Закона 17/30 июня 1910 г.: существенно расширить перечень вопросов, по которым законы для Финляндской окраины должны были приниматься общероссийским парламентом (ст. 1 Закона). Таким образом, финляндским депутатам отныне также предоставлялось право участвовать в создании, обсуждении и принятии законопроектов для всей империи.

Сохраняя целостность Российского государства, поставленную под угрозу действиями сепаратистов, монарх и общероссийский парламент остались верны политике уважения привилегированного статуса Великого княжества Финляндского. Единственная из провинций Империи, Финляндия получила *территориальное* представительство в верхней законодательной палате России. Однако региональная элита Суоми желала гораздо больших уступок, поэтому великодушный жест центральной власти, по сути, оказался проигнорированным.

Тем не менее в результате парламентской реформы 1910 г. нормативный состав выборной части Государственного Совета составил 100 членов (98+2). Это не потребовало корректировки текста Основных государственных законов, поскольку ст. 100 (ст. 58 первоначальной редакции), напомним, гласила, в частности: «Общее число Членов Совета, призываемых Высочайшею Властью к присутствованию в Совете из среды его Членов по Высочайшему назначению, *не должно превышать* (курсив наш. — Авт.) общего числа Членов Совета по выборам». Иными словами,

в результате «финляндской» реформы общая нормативная численность верхней законодательной палаты Российской империи увеличилась в 1910 г. до 200 «депутатов», потребовав дополнительно призвать к присутствию в Государственном Совете 2 членов по назначению.

* * *

Кратко рассмотрим функциональные последствия модели наполнения Государственного Совета, закреплённой конституционными актами от 20 февраля и 23–24 апреля 1906 г.

Традиционно отмечаемая в мемуарной и научной литературе пассивность верхней законодательной палаты, которая в отличие от Государственной Думы не стремилась активно использовать право законодательной инициативы, контрольные полномочия, «воздействовать на выработку правительственного курса» [8, с. 4 и сл.], объективно соответствовала корпоративно-представительной, т. е. *субсидиарной* парламентской природе Государственного Совета.

Вспомогательный характер корпоративного представительства в идеальном конституционном правопорядке должен обуславливать меньшие полномочия законодательной палаты, сформированной на таких основаниях. Между тем согласно нормам ст. 86, а также ст. 7–8 и 106–113⁶ Основных государственных законов 1906 г. Государственный Совет был наделён равными с Государственной Думой полномочиями, что вызывало особое нерасположение левых и либеральных авторов к этой якобы по определению проправительственной, а значит, реакционной палате. В советский период подобная трактовка стала господствующей⁷. Однако на деле Государственный Совет пользовался своими полномочиями с достаточной осмотрительностью и, за редким исключением, не противопоставлял себя Государственной Думе (табл. 2).

Таблица 2. Взаимодействие Государственного Совета с Государственной Думой в законотворческой деятельности (1906–1917 гг.)

№ п/п	Позиция Государственного Совета в отношении законопроектов, одобренных Государственной Думой	Количество законопроектов	
		Всего	%
1	Одобрены / одобрены без существенных поправок	3291*	92,6
2	Не рассмотрены	158	4,5
3	Отклонены	46**	1,3
4	(Незавершённая) согласительная процедура	39	1,1
5	Отказ в рассмотрении	19	0,5
Всего		3553	100

Источник: [8, с. 4]

* В том числе законодательство о «стольпинской» аграрной реформе, бюджеты 1915–1916 гг.

** В том числе о расширении прав законодательных палат.

⁶ Соответствуют ст. 44, 7–8, 64–71 первоначальной редакции Основных государственных законов (редакции Собрания узаконений и Полного собрания законов Российской империи).

⁷ «Над Думой довлел реакционный Государственный Совет...» — пишет в современной (!) работе видный советский юрист [2, с. 46].

К началу XX столетия правящий класс Российской империи окончательно потерял былую однородность. Традиционные (дворянские) элиты, генетически связанные с помещичьей собственностью, доминировали в государственном аппарате в центре и на местах. Новые (буржуазные) элиты находились в стадии формирования и роста, но уже претендовали на адекватную их экономическому весу долю в государственном управлении; их политическая роль определялась тем, что эти слои были связаны с финансовым и промышленным капиталом и в той или иной мере оказались заинтересованы в переделе собственности. Традиционные элиты имели большой опыт государственного управления, тогда как новые элиты полнее отражали прогрессивные потребности социального развития.

Не вызывает сомнений, что законодательно установленный корпоративный состав Государственного Совета обусловил его консервативную позицию в правовом обеспечении реформ 1906–1917 гг. Эта конструкция была призвана компенсировать неизбежное преобладание представителей новых элит в нижней палате парламента (кадетско-октябристское большинство). Однако в формально-юридическом отношении принципы формирования Государственного Совета не препятствовали достижению компромисса между элитами, а приоритетное положение представителей интересов традиционных элит в верхней законодательной палате служило организационно-правовой гарантией от сползания реформ в революцию.

Хотя решение вопросов об очередности и особенно темпах социальных преобразований вызывало ожесточенные конфликты как внутри самих палат, так и между ними, противоречия законодательных палат в целом имели тактический, а не стратегический характер. Большинство в обеих палатах стояло на реформистских позициях. Социально-политическая неустойчивость в макромасштабе была вызвана не конфликтом элит, представленных в парламенте и других органах государства, а противоречиями между правящим меньшинством, т. е. всеми элитами в совокупности, и большинством населения, которое было отстранено от рычагов власти, но обеспечивало основные потребности государственного управления, прежде всего финансово-экономические и военные. Недальновидная попытка представителей новых элит опереться на эти народные силы в борьбе с политическими противниками вывела решение спорных вопросов социального развития за стены парламента и отдала их во власть улицы. По воле право- и левоцентристских деятелей Государственной Думы, организовавших в 1915 г. «Прогрессивный блок», все конституционные «стоп-краны», в конечном счете, были сорваны, включая и предохранительные механизмы, заложенные в законодательстве о составе Государственного Совета.

Между тем такое развитие событий не являлось единственно возможным. Наиболее вероятно, что его спровоцировали не пороки конституционного, и в частности парламентского, механизма в Российской империи, а персональные особенности лидеров элит — начиная с главы государства и заканчивая руководителями националистических, либеральных и радикальных группировок. Традиционные элиты не смогли в полной мере использовать потенциал новых механизмов управления, созданных в 1906 г. при их решающем участии, включая и обновленный Государственный Совет. А новые элиты проявили нетерпеливое желание добиться своих интересов в кратчайшие исторические сроки.

Как пророчески отмечал в 1906 г. граф И. И. Толстой⁸, «еще много воды утечет, пока наши “верхи” будут сознательно отзываться на потребности и настроения низов. Но поэтому-то всем искренне желающим обновления Отечества следует быть мудрыми и осторожными, а не идти напролом: такие твердые крепости, как абсолютизм, не берутся штурмом, наскоком, а только правильной осадой. Вместо красивых, но пугающих “верхи” фраз нужны дела, хотя бы не крупные, но чреватые последствиями факты, реформы, ведущие за собою другие реформы как неизбежное последствие. Вообще побольше бы хитрой, практической политики и поменьше крику и стремления вписать свое имя на скрижали истории. Способны ли мы, русские, на это или нет: вот коренной для всей будущности нашей вопрос» [21, с. 20–21].

Таким образом, основные принципы и способы формирования Государственного Совета (включая даже представительство государственных духовных служащих [22, с. 7–23]), закрепленные в конституционных законах 1906 и 1910 гг., были адекватны задачам начального периода становления дуалистической монархии в России. Конкретно-историческая модель формирования верхней законодательной палаты не является результатом заимствования какого-либо конкретного иностранного образца, но в целом она аналогична конституционному законодательству таких монархических государств Европы и Азии, как Пруссия, Австро-Венгрия, Япония, раннеконституционная Англия и т. п. Это выступает дополнительным свидетельством жизнеспособности и реалистичности нормативно-правовых решений, принятых при реорганизации законосовещательного Государственного Совета в законодательную палату с доминированием корпоративного представительства.

Опыт легального и рационально организованного корпоративного представительства в парламенте в менее дифференцированном варианте был повторен в конституционно-правовой политике советского периода. Несомненный корпоративный дух обнаруживается в представительстве рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в классических советах депутатов 1917–1937 гг. Затем он латентно проявляется в неафишируемых квотах представительства женщин, молодежи, «творческой интеллигенции» и т. п. в советах депутатов трудящихся и советах народных депутатов. Наконец, в процессе конституционной реформы 1988 г. корпоративный принцип открыто воплотился в законодательстве о формировании Съезда народных депутатов СССР (квоты от Компартии, профсоюзов, ученых, общественных организаций).

Крушение Союза ССР и принятие новой Конституции РФ в 1991–1993 гг. привели к отказу от легального представительства корпоративных интересов в законодательном процессе. Между тем почти столетний и, как видим, разнообразный отечественный опыт позволяет вновь поставить вопрос о конституционализации института корпоративного представительства. Очевидно, наиболее мягкий вариант подобной реформы связан с преобразованием нынешней Общественной палаты. Как представляется, для этого идеально подходит модель формирования Государственного Совета 1906–1917 гг., если подвергнуть ее модернизации и, в частности,

⁸ Видный деятель культуры и науки, придерживавшийся либеральных воззрений, министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте.

расширить круг субъектов, которые должны быть представлены в таком законосовещательном органе.

Необходимо преодолеть сформировавшиеся в обществе и научной среде предрассудки в отношении к корпоративному формированию законосовещательных и даже законодательных органов. Корпоративное представительство способно восполнить неравномерность политической зрелости различных групп населения, имеющих активное и пассивное избирательное право. Верхняя палата, определенным образом сформированная по принципу корпоративного представительства, способна смягчить проявления неодолимого конфликта, который присущ представительным законодательным органам Нового времени. Суть этого конфликта состоит в том, что демократизм формирования парламента (избирательного права) не только не связан с профессионализмом работы выборного представительства, но, наоборот, скорее находится в обратно-пропорциональной зависимости от него. Конечно, одна из задач политических партий как раз и состоит в том, чтобы предложить избирателям кандидатуры депутатов, способных профессионально осуществлять законотворческую, контрольную и иную парламентарную деятельность. Однако более приоритетным оказывается сам факт прохождения в парламент кандидатов от данной политической группировки, поэтому в противостоянии популизма и профессионализма победа последнего далеко не очевидна. Вот почему механизм современной парламентской демократии, основанной в конечном счете на принципах народного суверенитета и всеобщего избирательного права, объективно нуждается в палате-«корректоре» народного вотума. Именно такую роль и выполнял Государственный Совет Российской империи в 1906–1917 гг. Иное дело, что никакой корректор не должен превращаться в редактора, а тем более подменять автора. Такую роль отцы-основатели монархического конституционализма в России также доверили именно Государственному Совету. Все критические замечания, которые могут быть предъявлены к «элементному составу» верхней законодательной палаты, к способам избрания и/или назначения составляющих ее членов, — сущие мелочи по сравнению с главным пороком первого опыта парламентаризма в России: достаточно произвольно формируемая верхняя палата не только формально получила равные законодательные полномочия по сравнению с палатой нижней — Государственной Думой, но и активно использовала свои права. Это приводило к многократному искажению воли политически активного населения, которая и в составе Государственной Думы была отражена весьма неадекватно.

Итак, мы должны сказать «да» идее корпоративного представительства в современном парламенте, но отвергнуть бесповоротно *равноправие* различным образом формируемых законодательных палат. Более демократично избираемая палата всегда должна обладать безусловным приоритетом в осуществлении законодательной власти.

Впрочем, возвращаясь к ситуации, созданной конституционными нормами 1906–1917 гг. в Российской империи, следует также обратить внимание на то, что недостатки в формировании обеих законодательных палат и их влияние на политические процессы могли быть без особого труда смягчены или вовсе элиминированы квалифицированным вмешательством главы государства. К сожалению, по известным причинам Николай II не только не встал над схваткой, но и являлся активным участником политической борьбы; он сознательно использовал недостатки

созданного при его же участии парламентского представительства в целях сохранения личной автократии и полуабсолютистского режима в целом.

Впрочем, как показала революция 1917 г., расширение избирательного права и демократизация парламента в конечном счете не содействовали бы демократизации самого общества, ибо большинство подданных Его Величества еще не были готовы к ответственному «народоправству».

Сложившаяся под влиянием традиции (что верно прежде всего для избираемой половины) и политической тактики времен первой Русской революции 1905–1906 гг., основная формула формирования состава Государственного Совета была вполне приемлема для законосовещательного учреждения при монархе, когда глава государства может санкционировать мнение меньшинства или даже вовсе игнорировать своих Советчиков и, соблюдая процедуру, затем вынести принципиально иное решение, которое не было озвучено в совещательном органе. Однако для верхней законодательной палаты, к тому же имеющей формально равный голос с нижней законодательной палатой, да еще избираемой на основе широкого народного представительства, — для такой палаты принцип(ы) формирования Государственного Совета, конституционно установленные в 1906 г., оказались порочными как в функциональном, так и в политическом отношении.

Однако безоговорочно осудить эти принципы, исходя из абстрактных кабинетных рассуждений, было бы неправильно. Конечно, последовательная дедукция конституционных начал неизбежно приводит к необходимости таких нормативно-правовых решений, которые создают дееспособный парламент, адекватно отражающий волю большинства политически активных избирателей. Вместе с тем очевидно, что это распространяется только на более-менее зрелые формы конституционализма. История нашей страны и зарубежья не раз показала, как легко заимствовать извне готовые конституционные схемы. Однако их шанс прижиться в обществе, воплотившись в общественных (конституционно-правовых) отношениях, всецело определяется объективным запросом социума на восприятие и усвоение таких норм. На практике это возможно только через ряд последовательных этапов конституционно-правовой эволюции — от переходных форм с элементами конституционализма (например, законосовещательный представительный орган) к полуконституционализму (с ним могут быть идентифицированы дуалистические формы правления, по крайней мере ранние) [23] и лишь затем к начальным вариантам парламентарной формы правления, которая, как показывает опыт Великобритании, также может столетиями уживаться с допарламентарными элементами в структуре государственного аппарата. Невозможен чудесный скачок от абсолютизма с элементами деспотии сразу к зрелому парламентскому строю. История западных демократий показывает, что переход к парламентской конституционной модели занимал в период Нового времени минимум полтора-два столетия [24].

Источники и литература

1. Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М.: Облиздат, Алир, 2002. 616 с.
2. Лукьянов А. И. Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики): курс лекций. М.: Инфра-М, 2010. 304 с.
3. Юртаева Е. А. Государственный Совет в России. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 208 с.
4. Бородин А. П. Государственный Совет России (1906–1917). Киров: Вятка, 1999. 367 с.

5. Демин В. А. Верхняя палата Российской Империи, 1906–1917. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 376 с.
6. История буржуазного конституционализма XIX в. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1986. 279 с.
7. История буржуазного конституционализма XVII–XVIII вв. / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М.: Наука, 1983. 296 с.
8. Государственный совет Российской империи: 1906–1917: энциклопедия / науч. ред.: Б. Ю. Иванов, А. А. Комзолова, И. С. Ряховская. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 343 с.
9. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXX. Отд. I. СПб., 1913. Ст. 33795.
10. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3-е. Т. XXVI. Отд. I. СПб., 1909. Ст. 27808.
11. Протест против выборов в Государственный Совет // Речь. 1906. 7 (20) мая. № 67.
12. Петрункевич И. Государственный Совет и дворянство // Речь. 1906. 5 (18) марта. № 10.
13. Попов И. И. Дума народных надежд. Очерк деятельности первой русской Думы и Государственного Совета. М.: Издание В. М. Саблина, 1907. 215 с.
14. Васильев И. А. О государственной службе православного духовенства в Российской Империи (1900–1917) // Правоведение. 2008. № 3. С. 193–199.
15. Grimm D. D. Представительство университетов в Государственном Совете. М., 1913. 12 с.
16. Государственный Совет Российской империи, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в истории российского парламентаризма: преемственность и традиции. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 184 с.
17. Арчегов С. Б. Академическая группа Государственного Совета: историко-правовой аспект // История государства и права. 2009. № 8. С. 34–37.
18. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. 496 с.
19. Собрание узаконений. Отд. I. 1906. 24 апр. № 98. Статья 603.
20. Путеводитель по Финляндии / под ред. Карелина. 2-е изд. СПб.: «Новое Время», 1914. 349 с.
21. Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. 729 с.
22. Васильев И. А. Государственная служба православного духовенства в Российской империи (1906–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 24 с.
23. Ильин А. В. Коренной закон и конституция как формы основного закона государства: опыт теоретико-правового построения // Российский конституционализм в контексте историко-правовых исследований: сб. науч. трудов / под общ. ред. Д. И. Луковской, Н. В. Дунаевой. СПб., 2014. С. 111–122.
24. Ильин А. В. Конституционализация России в европейском контексте: хронологический аспект // Компаративистика-2012: сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, сравнительная политология / под ред. А. Ю. Саломатина. М., 2013. С. 206–212.

References

1. Tihomirov L. A. *Khristianstvo i politika [Christianity and politics]*. Moscow, Oblizdat, Alir, 2002. 616 p. (In Russian)
2. Luk'ianov A. I. *Parlamentarizm v Rossii (voprosy istorii, teorii i praktiki): kurs lektsii [Parliamentarism in Russia (questions of history, theory and practice). A course of lectures]*. Moscow, Infra-M Publ., 2010. 304 p. (In Russian)
3. Yurtayeva E. A. *Gosudarstvennyi Sovet v Rossii [The Russian State Council]*. Moscow, Editorial URSS, 2011. 208 p. (In Russian)
4. Borodin A. P. *Gosudarstvennyi Sovet Rossii (1906–1917) [State Council of Russia (1906–1917)]*. Kirov, Vyatka Publ., 1999. 367 p. (In Russian)
5. Demin V. A. *Verkhniaia palata Rossiiskoi Imperii, 1906–1917 [The upper chamber of the Russian Empire, 1906–1917]*. Moscow, Russian political encyclopedia, 2006. 376 p. (In Russian)
6. *Istoriia burzhuaznogo konstitutsionalizma XIX v. [The history of bourgeois constitutionalism of the 19th century]*. Ed. by V. S. Nersesjanc. Moscow, Nauka Publ., 1986. 279 p. (In Russian)
7. *Istoriia burzhuaznogo konstitutsionalizma XVII–XVIII vv. [The history of bourgeois constitutionalism of the 17th–18th centuries]*. Ed. by V. S. Nersesjanc. Moscow, Nauka Publ., 1983. 296 pp. (In Russian)
8. *Gosudarstvennyi sovet Rossiiskoi imperii: 1906–1917: entsiklopediia [The State Council of the Russian Empire: 1906–1917: Encyclopedia]*. Eds B. Ju. Ivanov, A. A. Komzolova, I. S. Rjahovskaja. Moscow, Russian political encyclopedia, 2008. 343 pp. (In Russian)

9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 3-e* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. 3rd Collection]. Vol. XXX. Part I. St. Petersburg, 1913. Art. 33795. (In Russian)
10. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobr. 3-e* [Complete Collection of Laws of Russian Empire. 3rd Collection]. Vol. XXVI. Part I. St. Petersburg, 1909. Art. 27808. (In Russian)
11. Protest protiv vyborov v Gosudarstvennyi Sovet [Protest against elections to the Council of State]. *Rech'* [newspaper], 1906. 7 (20) maja [May], no. 67. (In Russian)
12. Petrunkevich I. Gosudarstvennyi Sovet i dvorianstvo [The State Council and the Nobility]. *Rech'* [newspaper], 1906. 5 (18) marta [March], no. 10. (In Russian)
13. Popov I. I. *Duma narodnykh nadezhd. Ocherk deiatel'nosti pervoi russkoi Dumy i Gosudarstvennogo Soveta* [The Duma of National Hopes. Sketch of activity of the First Russian Duma and the State Council]. Moscow, Printed by V. M. Sablin, 1907. 215 p. (In Russian)
14. Vasiliev I. A. O gosudarstvennoi sluzhbe pravoslavnogo dukhovenstva v Rossiiskoi Imperii (1900–1917) [On the Civil Service of the Orthodox Clergy in the Russian Empire] (1900–1917). *Pravovedenie*. 2008, no. 3, pp. 193–199. (In Russian)
15. Grimm D. D. *Predstavitel'stvo universitetov v Gosudarstvennom Sovete* [The Mission of universities in the State Council]. Moscow, 1913. 12 pp. (In Russian)
16. *Gosudarstvennyi Sovet Rossiiskoi imperii, Sovet Federatsii Federal'nogo Sobraniia Rossiiskoi Federatsii v istorii rossiiskogo parlamentarizma: preemstvennost' i traditsii* [The State Council of the Russian Empire, the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation in the History of Russian Parliamentarism: the Continuity and Traditions]. Moscow, OLMA Media Grupp, 2007. 184 p. (In Russian)
17. Arhegov S. B. Akademicheskaja gruppa Gosudarstvennogo Soveta: istoriko-pravovoi aspekt [Academic Group of the State Council: historical and legal aspects]. *Istoriia gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2009. no. 8, pp. 34–37 (In Russian)
18. *Osobyie zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1910 god* [Special journals of the Ministers Council of the Russian Empire, 1910]. Comp. B. D. Gal'perin. Moscow, Russian political encyclopedia, 2001. 496 p. (In Russian)
19. *Sobranie uzakonenii* [Ordinance Collection]. Part I. 1906. 24 apr., no. 98, art. 603. (In Russian)
20. *Putevoditel' po Finliandii* [Guide to Finland]. Ed. by Karelin. 2nd ed. St. Petersburg, 1914. 349 p. (In Russian)
21. Tolstoj I. I. *Dnevnik* [Diary], 1906–1916. St. Petersburg, 1997. 729 p. (In Russian)
22. Vasil'ev I. A. *Gosudarstvennaia sluzhba pravoslavnogo dukhovenstva v Rossiiskoi imperii (1906–1917 gg.)*. Avtoref. dis. kand. iurid. nauk [Public service of the Orthodox Clergy in the Russian Empire (1906–1917)]. PhD Thesis]. St. Petersburg, 2011. 24 p. (In Russian)
23. Il'in A. V. Korennoi zakon i konstitutsiia kak formy osnovnogo zakona gosudarstva: opyt teoretiko-pravovogo postroeniia [The Indigenous Law and the Constitution as forms of the Basic Law of the State: Experience of the theoretical and legal construction]. *Rossiiskii konstitutsionalizm v kontekste istoriko-pravovykh issledovanii: sb. nauch. trudov* [Russian constitutionalism in the context of historical legal investigations. Collection of research works / general scientific editors]. Eds G. I. Lukovskaya, N. V. Dunaeva. St. Petersburg, 2014, pp. 111–122. (In Russian)
24. Il'in A. V. Konstitutsionalizatsiia Rossii v evropeiskom kontekste: khronologicheskii aspekt [Russia's constitutionalization in a European context: the chronological aspect]. *Komparativistika-2012: sravnitel'noe pravovedenie, sravnitel'noe gosudarstvovedenie, sravnitel'naia politologiiia* [Comparative 2012: comparative law, comparative state studies, comparative politics]. Ed. by A. Yu. Salomatin. Moscow, 2013, pp. 206–212. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 декабря 2014 г.